

На первый взгляд может удивить несимметричность сравнения, для которого привлекаются со славянской стороны прежде всего виды, с балтийской стороны — прежде всего залого в специфической форме глагольной диатезы. Действительно, в славянских языках наряду с видами имеют ся и слабо выраженные морфологические диатезы (ср. русск. *течь* — *точить*, *источать* ‘заставлять течь’; *смеяться* — *смешить*). В балтийских языках наряду с диатезами можно обнаружить элементы аффиксальных видовых противопоставлений (ср. лит. *brangsta brangti* ‘(начинать) дорожать’ — *brangėja brangėti* ‘(постепенно) дорожать’; *justi* — *rajusti* ‘чувствовать — почувствовать’). Поэтому, вообще говоря, сопоставление развитых славянских видов с элементами видов в балтийских языках и сопоставление развитых балтийских диатез с элементами диатез в славянских языках может составлять предмет особых исследований в сопоставительных грамматиках или пособиях по переводу. Однако для теоретической грамматики оно относительно маловажно, ибо как раз при этом сопоставляемые категории занимают совершенно различные места и имеют различный удельный вес в своих языковых системах. Напротив, несимметричность категорий (вид в славянской системе — диатеза в балтийской) оказывается в значительной мере лишь кажущейся, лишь поверхностным проявлением достаточно единого глубинного архетипа, у которого один исторический источник.

Систематизацию материала целесообразно начать с синхронных отношений. Почти каждому переходно-каузативному глаголу в современном литовском языке может быть поставлен в соответствие непереходный глагол того же корня, как каждому глаголу несовершенного вида в современном русском языке может быть поставлен в соответствие глагол совершенного вида того же корня (или изредка супплетивный). В литовском языке выделяются следующие крупные классы парных оппозиций категории переходности/непереходности, различающихся прежде всего морфологией, а также семантикой, направлением словообразовательного процесса и относительной хронологией появления и наибольшей продуктивности (располагаем, начиная с новейших): 1 к л а с с оформляется меной крайних «правых/левых флексий», т. е. возвратной частицы, суффиксов и «нуля», при неизменной форме корня: *ištempti* ‘вытянуть’ — *išštempti* ‘вытянуться’, *gulti* ‘ложиться’ — *guldyti* ‘укладывать’; сюда же следует отнести специфически балтийские, не находящие параллелей в других и. е. языках, пары *ėsti* ‘есть (о животных)’ — *ėdinti* ‘кормить (животных)’, *bėgti* ‘бежать’ — *bėginti* ‘заставлять бежать (цедить молоко)’, ср. латыш. *ēst* — *ēdināt*, *bēgt* — *bēdzināt*; 2 к л а с с оформляется суффиксом и аблаутом корня: *lipti* ‘лезть’ — *laipinti* ‘сажать, высаживать’ и др.; 3 к л а с с оформляется аблаутом корня в сочетании с инфиксом и/или *-sta-* суффиксом, чередующимися с «нулем», и меной «ближайших» (т. е. ближайших к корню) флексий, соответствующих двум основным противопоставленным парадигмам — переходной с презенсом на *-ia*, претеритом на *-ė* и непереходной с презенсом на *-a*, претеритом на *-o*: *berti beria bėrė* ‘сыпать’ — *byrti byra biro* ‘сыпаться’ и др.; 4 к л а с с оформляется суффиксальным продлением краткой основы: *karti karia korė* ‘вешать’ — *karoti karo karojo* ‘висеть’, *mirkyti mirko mirkė* ‘мочить’ — *mirkti mirksta mirko* ‘мокнуть’ и др.; в парадигмах здесь имеются частично или полностью тождественные формы (ср. *mirko* наст. вр. ‘мочит’ и прош. вр. ‘мок’) с разным категориальным значением; 5 к л а с с — каждый глагол совмещает два значения — переходное — каузативное и непереходное, нередко имеются колебания в выборе парадигмы, особенно для претерита: *degti dega degė* и (старолитов.) *dego* ‘гореть’ и ‘жечь’.

В русском языке видовые оппозиции могут быть разделены на аналогичные (гомоморфные) классы. Сравним, например: 1) *выделать* — *выделять*, *организовать* — *организовывать*; 2) *проложить* — *пролагать*, *умереть* — *умирать*; 3) *толкнуть* — *толкать*, *боднуть* — *бодать*; 4) с